

Таврическаго-дворца. Самое расположение оранжей, всегда устраиваемых въ видѣ узкаго, длиннаго коридора, мѣшало красивому виду выставки: ее по необходимости раздѣлили на двѣ половины, на концѣ одной — устроенъ фонтанъ, на другой каскадъ, подъ которымъ гротъ ведетъ на площадку, уставленную цвѣточными горшками на открытомъ воздухѣ, гдѣ, сверхъ того, поставленъ стеклянный улей. Между растениями нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго: множество рододендроновъ, азалей, розъ, камелій, но разнообразія флоры — ни малѣйшаго. Изрѣдка встрѣишь какой-нибудь малоизвѣстный цвѣтокъ, нагибаешься, чтобы узнать его названіе, видъ, семейство — и встрѣчаешь надпись: «Дарзансъ, торгующій садовникъ» или «Гермесъ любитель». Невольно пожимаешь плечами, встрѣчая въ сотый разъ ту же славянскую рутину, упорно отстаивающую старинные свѣчи и обычаи. Сколько разъ уже заявляли почтенному обществу садоводства, что публикѣ нѣтъ никакого дѣла до того кто выставилъ, но необходимо знать, что выставлено. Наконецъ, если ужъ необходимо писать огромными буквами, что Гермесъ любитель чего-то, то можно бы хотѣ маленькими, на томъ же ярлыкѣ, гдѣ очень много пустаго мѣста, поставить названіе растенія. Или у насъ никогда не измѣнится правило, что общества существуютъ для своихъ членовъ, а не для публики?

Мы хотѣли представить рисунокъ нынѣшней цвѣточной выставки, но должны были отказаться отъ этого, за неимѣніемъ ни одного пункта, съ котораго можно было бы снять сколько нибудь живописный видъ. А какъ были хороши прежніе виды выставокъ! Читатели могутъ убѣдиться въ этомъ, взглянувъ на помѣщенные въ этомъ номерѣ виды цвѣточныхъ выставокъ 1860, 61 и 62 года. 1863 г. вида нѣтъ, потому что неудачная выставка прошлаго года была дѣломъ въ Каменноостровскомъ-саду, никого не привлекла и оказалась очень мало интересною. Нынѣшняя, хотя и лучше, но, какъ мы говорили, расположена неудобно, далеко отъ центра города, въ Таврическомъ-дворцѣ. Одна хорошая сторона выставки та, что, по слухамъ, она стоитъ гораздо дешевле прежнихъ; — надо утѣшаться хоть этимъ.

Немного утѣшительнаго можемъ мы сказать и объ общедоступномъ концертѣ г. Кологривова, данномъ въ Михайловскомъ-манежѣ, 3-го мая. И прежде всего, какой же онъ общедоступный, если самое дешевое мѣсто въ немъ стоило 25 копѣекъ, и то тамъ надо было стоять — больше двухъ часовъ, а въ полтинныхъ мѣстахъ, гдѣ мы сидѣли, было очень плохо слышно, и всѣ piano оркестра, не говоря уже о голосахъ, пропадали совершенно. Да и гдѣ же были эти исполнители до тысячи человѣкъ? Музыкантовъ было 300, да столько же пѣвцовъ, а отъ 600 до тысячи еще далеко. Составъ концерта тоже былъ не блистательный. Увертюру «Леоноры» № 3, пора бы сдѣть въ архивъ; хоръ изъ «Русалки», съ его тривіальнымъ мотивомъ не очень интересенъ. «Камаринская» Глинки — капризъ великаго композитора, превосходная вариация на пошлую тему, въ которой ровно ничего нѣтъ музыкальнаго; фантазія К. Лядова съ хорами на пѣсню «Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту», представляетъ напротивъ, довольно неудачныя вариации музыкальнаго мотива. Лучшими нумерами концерта были «Славься», хоръ изъ «Жизни за Царя», «интродукція Лоэнгина» Вагнера и женскій хоръ изъ «Иуды Маккавея», Генделя. Въ хорѣ г. Сѣрова изъ «Рогнеды», нѣтъ ничего замѣчательнаго; въ торжественной увертюрѣ г. Рубинштейна — ровно ничего торжественнаго, кромѣ окончанія, да и то потому, что туда вклеенъ мотивъ народнаго гимна. Увертюра г. Балакирева на русскія пѣсни — длинна, скучна и неудачна.

Мы представляемъ въ этомъ номерѣ портретъ г. Беккера, фокусника, въ послѣднее время привлекавшаго въ пассажъ многочисленную публику своими представленіями, гдѣ главную роль играли спектры или призраки, выходившіе у него чрезвычайно удачно и рельефно, не въ примѣръ лучше г. Шашко, устраивавшаго ихъ въ балетѣ «Фіамметта». Г. Беккеръ также замѣчательный фокусникъ и устроенный имъ автоматъ — арлекинъ и барабанъ, играющій разные мотивы безъ палокъ, по приказанію фокусника, заслуживаютъ вниманія. Г. Беккеръ уже окончилъ свои представленія и потому позднее извѣстіе о немъ не сочтется за рекламу.

КАЙБАЛЫ.

Недавно, по распоряженію главнаго начальства восточной Сибири, уничтожена кайбальская степная дума, завѣдывавшая кайбалами, небольшимъ племенемъ кочевыхъ инородцевъ, обитающихъ въ минусинскомъ округѣ енисейской губерніи. Пять родовъ ихъ причислены по мѣстамъ кочевьевъ къ вѣдомству сагайскихъ татаръ, а два къ вѣдомству качинскихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что пройдетъ десятокъ-другой лѣтъ, и имя кайбаловъ, какъ отдѣльнаго племени, исчезнетъ изъ памяти народа, какъ исчезли имена катовъ, ариновъ, асановъ и другихъ небольшихъ народцевъ, которыхъ едва-едва успѣла замѣтить исторія. Поэтому я теперь считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ племени.

Кайбалы считаютъ себя старожилками верхней части долины Енисея или Кайбальской степи. По ихъ сказаніямъ, они жили здѣсь, когда въ верховьяхъ Енисея кочевали киргизы, боровшіеся въ теченіи всего XVII вѣка съ нашими завоевателями и вытѣсненные въ началѣ XVIII въ предѣлы Китая. Въ старинныхъ актахъ земля ихъ постоянно называется кайбальскою землею. На владѣніе ею въ царствованіе Екатерины II имъ выдана была особая владѣльная грамота. Она хранилась у одного изъ родоначальниковъ и сгорѣла вмѣстѣ съ его юртою. Кромѣ кайбальской степи, два рода кайбаловъ изстари владѣли землями на правой сторонѣ Енисея по рѣкѣ Салзѣ, впадающей въ Тубу.

Кайбальская степь — продолженіе сагайской степи, широко раскинувшейся между рѣками Абаканомъ и Енисеемъ. Къ сѣверу она ограничивается рѣчкой Аскызомъ, къ югу горою Иттемъ и предгорьями Омман-Туры. По приблизительному измѣренію, сдѣланному въ 1772 году, ширина ея простирается, не болѣе какъ на 12 географическихъ миль или на 80 верстъ. Она болѣе ровна, нежели возвышенна и менѣе обильна травою, чѣмъ сагайская степь. Выразиться объ ней такъ, какъ выразился Степановъ (Енисейская губернія, Сиб. 1835 г., ч. 1, 157), именно, что эта степь покрыта густою, высокою травою, — невозможно. Напротивъ, должно даже сказать, что это каменистая степь, хотя она и заключаетъ въ себѣ самую удобную пищу для скота и защиту отъ солнца, потому что, какъ справедливо говорить на этотъ разъ тотъ же писатель, въ низкомъ западномъ хребтѣ (Сабинскомъ) сложные утесы краснаго песчаника образуютъ природныя кровы и помѣщенія для табунныхъ и стадъ, а на самой равнинѣ и въ долинахъ хребта растутъ въ изобиліи солонцовыя травы полезныя для его утѣшенія, до которыхъ скотъ очень лакомъ. Южная оконечность этой степи, гора Иттемъ или Этемъ и предгорья Омман-Туры обнажаютъ только гранитъ, склоняющійся огромными массами на востокъ и отчасти на югъ. Изъ разсѣлинъ этихъ горъ вытекаетъ семь или восемь рѣчекъ, мелкихъ и быстрыхъ, впадающихъ въ Абаканъ. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ: Табатъ, Бей, Калы и Иты. Во время Палласа (въ 1772 году), здѣсь сибирскіе крестьяне собирали ревенъ, который продавали въ аптеки. Теперь здѣсь этой промышленности не существуетъ, такъ какъ ревенъ, привозимый изъ Кяхты, далеко превышаетъ добротой ревенъ, растущій въ Минусинскомъ округѣ. Въ смыслѣ ботаническомъ, здѣшній ревенъ и привозимый изъ Кяхты принадлежатъ даже къ двумъ различнымъ родамъ. Такого, по крайней мѣрѣ, мнѣніе объ этомъ ботаника Сиверса, путешествовавшаго здѣсь въ концѣ прошлаго вѣка для отысканія настоящаго китайскаго ревеня. Впрочемъ, и здѣшній ревенъ годенъ къ употребленію: инородцы и русскіе крестьяне пользуются имъ отъ многихъ болѣзней и между прочимъ отъ цынги. Около рѣчекъ, по крутымъ берегамъ растетъ дикая конопля, высокая и крупная стволкомъ, съ узкими и длинными листьями. Она покрываетъ мѣстами довольно значительныя пространства. Попадаетъ иногда дикій ленъ, дикая гречиха (по татарски карлыкъ) съ весьма мелкими семенами, употребляемыми инородцами въ пищу, и сибирская акація или бобовникъ, лыко которой размолачивается, вѣется какъ веревка и употребляется для домашнихъ надобностей. Лѣсъ видѣется только въ долинахъ, на горахъ. Лѣтомъ, въ сильныя жары, кайбальская степь кажется пустынною и безжизненною: земля трескается, ручьи пересыхаютъ, опускающіе ихъ кустарники блекнутъ. Но въ особенности она пустынна и безжизненна около мѣстъ, облегающихъ Бейское соляное озеро, находящееся между рѣчками Бей и Утами и имѣющее въ ок-

ружности около трехъ верстъ, изъ котораго, впрочемъ, казна никогда не пользовалась солью. Бываешь радъ, когда дорога, выходя изъ глубины степи, приближается къ горамъ, между которыми кайбалы преимущественно теперь распахиваютъ землю. У подошвы скалъ Оман-Туры и Иттама появляется даурскій рододендронъ или багульникъ, поднимающійся на высоту до пяти футовъ. Нѣкогда по кайбальской степи бродили огромныя табуны дикихъ лошадей; но уже во время Пестерева, бывшаго здѣсь въ 1780 году, они одомашнились. Вообще, изъ нашихъ старыхъ путешественниковъ по Сибири видно, что кайбальская степь была извѣстна нѣкогда множествомъ драхвъ, вѣсь которыхъ простирается иногда до полупуда, лебедей, большихъ куликовъ и т. п. Степановъ, въ своемъ описаніи Енисейской губерніи, исчисляя породы птицъ, водящихся въ степи, вовсе не упоминаетъ о драхвѣ. Между тѣмъ, большія стада ихъ и теперь попадаются въ кайбальской степи. Тоже должно сказать и о куликахъ. Но лебедей мнѣ здѣсь никогда не случалось видѣть, не смотря на многократныя мои разѣзды по степи. Впрочемъ, эта птица водяная, а здѣсь воды очень мало.

Въ настоящее время въ кайбальской степи находится уже нѣсколько русскихъ селеній. Таковы деревни — Означенное, Калы, Сабинская и село Бей. Кромѣ того, на земляхъ, уступленныхъ кайбалами казакамъ енисейскаго конно-казацкаго полка, предполагается устроить алтайскій казачій форпостъ.

Мѣстность по Салзѣ, гдѣ кочуетъ также два рода кайбаловъ, представляетъ ту же самую характеристику, какъ и кайбальская степь, кромѣ того только, что она менѣе камениста, а потому болѣе удобна для хлѣбопашества. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она покрыта остатками древнихъ могилъ и зарастаетъ березникомъ. Здѣсь также почти подлѣ самыхъ кочевыхъ кайбаловъ устроилась русская деревня Верхне-Салбинская. Она населена переселенцами изъ внутреннихъ губерній.

Земли кайбаловъ неизмѣнены. По официальнымъ свѣдѣніямъ, весьма не вѣрнымъ, ихъ показывается до одиннадцати тысячъ десятинъ, изъ которыхъ будто болѣе половины находится подлѣсами, водами и болотами. Въ дѣйствительности, земли ихъ несравненно обширнѣе.

Кайбалы или Койбалы, называющіе себя сами кайба или койба, получили свое названіе, отъ имени одного изъ своихъ князьковъ. Не задолго до завоеванія этихъ мѣстъ русскими, они состояли изъ нѣсколькихъ родовъ. Одни изъ этихъ родовъ вмѣстѣ съ киргизами (хакасъ) ушли на западъ въ предѣлы Китая и были у нихъ въ совершенномъ порабощеніи, какъ племя малосильное. Поэтому, русскіе въ первое время завоеванія называли кайбаловъ киштымскими татарами, отъ слова киштымъ, что по объясненію Клапрота, значитъ рабъ, слуга. Баккаревичъ, составившій по высочайшему повелѣнію «Статистическое обозрѣніе Сибири» (напечатанное въ Сиб. въ 1810 году), различаетъ киштымскихъ татаръ отъ кайбаловъ, относя первыхъ къ татарскому племени, а вторыхъ къ самодскому. Замѣчательно, что въ настоящее время фамилія Кыштынъ встрѣчается еще между качинскими татарами, но нигдѣ между кайбалами. Въ нарѣчіяхъ здѣшнихъ татаръ это слово имѣетъ нѣсколько другое значеніе, нежели рабъ или слуга.

Палласъ и Пестеревъ нашли жилища кайбаловъ въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ они находятся и теперь, въ степи между Енисеемъ и Абаканомъ, подлѣ вѣденіемъ красноярскаго воеводства. Вотъ роды ихъ по Палласу: Таражаковъ — 32 лука или платильщика ясака; Большой-Байкатовъ — 36 душъ; Карнатъ — 32 души; Ургень — 30 душъ; всего 130 работниковъ; да на востокъ отъ Енисея, Архуповъ (Архиповъ?) — 23 души; Шимковъ — 15 душъ; Аскосовъ — 8 душъ; Кольскій — 16 душъ и Ангаровъ — 31 душа; всего 93 работника. Георгій прибавляетъ къ нимъ еще пять матарскихъ родовъ и считаетъ всего между кайбалами 415 работниковъ. При открытіи енисейской губерніи, въ 1822 году ихъ было 7 родовъ, подлѣ названіями исчисленными ниже, въ числѣ 862 душъ мужскаго пола; въ 1825 году, по свидѣтельству Степанова, 594 души; во время послѣдней ясачной кампаніи въ 1843 г., по свидѣтельству Щукина, 635 душъ и наконецъ во время уничтоженія кайбальской степной думы, въ 1858 г., 672 души мужск. пола. Въ послѣднее время ихъ считалось 7 родовъ: таражикъ или таражаковъ; коель или кольскій; буйгаджи или бугачевъ; арче или арши; бейгудъ большой или боль-